

Вера Мильчина —

канд. филол. наук, историк
литературы, переводчик, ведущий
научный сотрудник ИВГИ РГГУ,
ШАГИ РАНХиГС.
vmilchina@gmail.com

Секонд-хенд XIX века

Аннотация

В статье рассказано о том, как велась торговля подержанными вещами в Париже в первой трети XIX века. Поскольку для этой эпохи нравоописательные очерки, при всей беллетризованности своей формы, отчасти заменяли еще не изобретенные фотографию и кинематограф, в статье дан перевод фрагментов двух таких очерков, дающих представление о том, что продавалось на парижском рынке старых вещей в Тампле, и о том, кто покупал эти вещи.

Ключевые слова: Париж первой половины XIX века; торговля; секонд-хенд; городские рынки.

В Париже в первой половине XIX века спрос на подержанные вещи был велик в самых разных слоях населения; спросу соответствовало предложение, однако торговать подержанными вещами было можно далеко не везде. Таким торговцам запрещалось раскладывать товары на земле, покупать и продавать новые вещи, торговать у себя дома

Мишель-Жан
Николь.
Вид только что
построенного
рынка в Тампле.
Ок. 1810

и в публичных местах. Но дома у клиентов такая торговля велась и была столь распространена, что очерк Арну Фреми «Модная торговка» вошел во второй том многотомного сборника «Французы, нарисованные ими самими» (1840), составитель которого ставил перед собой амбициозную цель представить все многообразие современных парижских и провинциальных типов. Фигура модной торговки-перекупщицы, которая разносит свой товар по домам и знает все секреты тех дам и господ, которых обслуживает, нередко использовалась в драматургии в качестве двигателя сюжета; в 1696 году она выведена в комедии Ж.-Ф. Реньяра «Игрок» под именем госпожи Выручалочки (Madame la Ressource), в 1709 году — в комедии Лесажа «Тюркаре» под именем госпожи Жакоб; в упомянутом очерке Арну Фреми ее зовут госпожа Александра. Как замечает Фреми, «имя ее переменилось, но ремесло, в сущности говоря, осталось прежним: оно требует бесконечной деликатности, макиавеллизма, приправленного нахальством, прямотой и добродушием, напора и уступчивости — словом, самой тонкой дипломатии» (Парижанки 2014: 410; перевод М. Липко). И в самом деле, авторов больше интересует, как эти торговки, а по совместительству еще и немного ростовщицы и свахи, вмешиваются в финансовые и матримониальные дела других персонажей; продаваемые товары упоминаются вскользь. В такой же роли выступает

и перекупщица госпожа Нуррисон в повести Бальзака «Комедианты неведомо для себя» (1846); она, конечно, готова продать посетителям, пришедшим к ней в лавку, «несколько метров муслина для хорошенькой женщины», но главный ее товар — это информация о клиентах и их долгах.

Иначе изображена торговля подержанными вещами в публикуемом ниже очерке Ф. д'Антонеля «Рынок старого платья». Торговцы здесь не изображены вовсе, зато довольно подробно обрисованы продаваемые товары и, главное, покупающие их люди. Прежде чем перейти непосредственно к тексту очерка, следует рассказать, во-первых, о его авторе, во-вторых, о книге, в которой он напечатан, и, в-третьих, о предыстории изображенного в нем места.

Рассказ о первом пункте не займет много времени: об авторе мы не знаем вообще ничего, кроме того, что это был мужчина, а не женщина. Второй пункт, напротив, может быть раскрыт вполне подробно. Очерк напечатан в первом томе семитомника «Новая картина Парижа» (1834–1835), в рецензии на который в газете «Фигаро» 15 декабря 1833 года¹ «г-н Антонель» упомянут в числе других «мелких и посредственных авторов, которым этот сборник не поможет расстаться с их почтенной безвестностью». Семитомник этот, вышедший у издательницы вдовы Беше, был попыткой повторить успех другого многотомного издания, которое начал выпускать в 1831 году под названием «Париж, или Книга Ста и одного» прославленный парижский издатель Ладвока. Об этом пятнадцатитомнике, вкладыши которого бесплатно предоставляли Ладвока сочиненные ими рассказы или очерки, чтобы помочь любимому издателю спастись от банкротства, и темой которого был современный Париж, я подробно рассказала в другом месте (см.: Мильчина 2019). Вдова Беше начала выпускать тома «Новой картины Парижа», не дожидаясь, пока Ладвока окончит публикацию своего издания, и с открыто декларируемой целью превзойти предшественника. На деле же нравоописательные очерки о Париже, опубликованные в ее семитомнике, ничем принципиально не отличаются от очерков из «Книги Ста и одного»².

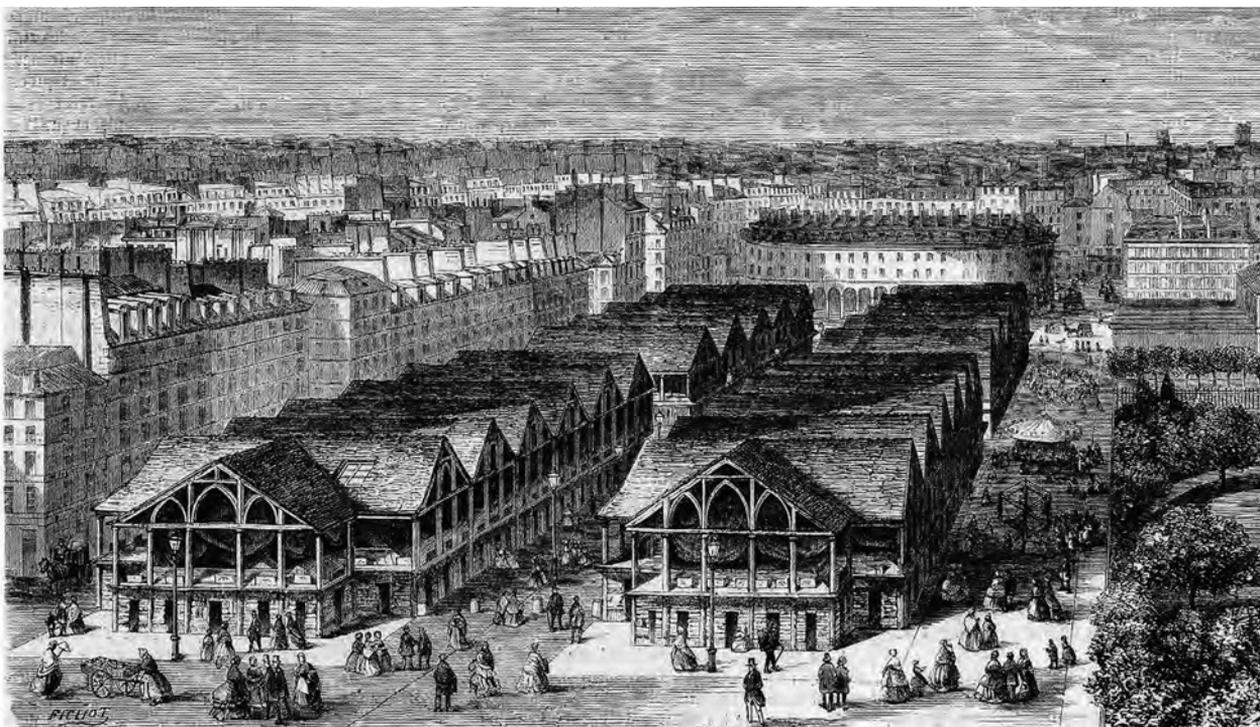
Очерки, напечатанные в обоих многотомниках, зачастую не ограничивались изображением современного состояния того или иного парижского заведения или обыкновения и содержали также рассказ о его истории. Очерк Антонеля не составляет исключения. В настоящей публикации эта историческая часть опущена как не имеющая прямого отношения к «Теории моды»; кратко перескажу здесь основные этапы предыстории тампльского рынка подержанных вещей.

Изначально территория Тампля принадлежала духовно-рыцарскому ордену Тамплиеров, или Храмовников (отсюда и его название); в 1312 году орден был распущен папой Климентом V, а его магистр Жак де Моле в 1314 году сожжен на костре из-за обвинений в ереси, в реальности же потому, что король Франции Филипп IV Красивый боялся усиления власти ордена, обладавшего огромными богатствами. Владения тамплиеров были переданы папой другому рыцарскому религиозному ордену — Мальтийскому, или Суверенному военному гостеприимному ордену святого Иоанна, Родоса и Мальты. Территория Тампля до Революции 1789 года представляла собой внутри Парижа своего рода «государство в государстве»: здесь не платили налогов, здесь не действовали правила ремесленных корпораций, здесь находили убежище банкроты. Всего накануне Революции 1789 года здесь проживало около четырех тысяч человек: аристократов, ремесленников и несостоятельных должников³. Большая башня Тампля, выстроенная еще при тамплиерах, после Революции сделалась тюрьмой, где с осени 1792 года содержались король Франции Людовик XVI, его жена королева Мария-Антуанетта и их дети; отсюда 21 января 1793 года король отправился на эшафот, королева же 1 августа 1793 года была переведена в тюрьму Консьержери, а 16 октября казнена. Дети королевской четы оставались в Тампле: сын, несостоявшийся король Людовик XVII, до своей смерти в июне 1795 года, а дочь, получившая прозвище «сирота из Тампля», — до того, как в декабре того же 1795 года ее обменяли на французов, находившихся в австрийском плену, и выслали в Вену. В годы Консульства и в первые годы Империи Тампль сделался местом паломничества для роялистов, и в 1808 году Наполеон распорядился снести башню, а на освободившемся месте построить здание для торговли подержанными вещами, которыми здесь уже торговали под открытым небом с 1802 года⁴; этот рынок был построен в 1809–1811 годах по проекту архитектора Жака Молиноса.

Он состоял из четырех квадратных павильонов, по два с каждой стороны центрального прохода, причем у каждого была своя специализация: в павильоне под названием «Пале-Руаяль» (он считался самым «светским» и «аристократическим») торговали лентами и дамскими украшениями, в павильоне «Флора» — мебелью и постельным бельем, в павильоне под экзотическим названием «Летучая вошь» — совсем дряхлой ветошью и железным ломом, а в «Черном лесу» — поношенной обувью. Многочисленные лавочки располагались и в построенном на территории Тампля в 1788–1790 годах круглом здании под названием Ротонда⁵, а между Ротондой

и павильонами действовал с 11 утра до двух часов пополудни рынок под открытым небом, так называемая «площадка Тампля» (carréau du Temple), где «оседлые» торговцы (fripiers) покупали товар у торговцев «кочевых», или перекупщиков (brocanteurs⁶). На рынке было 1888 лавочек, которые торговцы нанимали на неделю, заранее платя за это администрации Парижа, в чей собственности находился рынок. В 1830–1840-х годах цена составляла 1 франк 40 сантимов (Paris illustré 1855: 747), в 1855 году она выросла до 2 франков 10 сантимов (Moppier 1857: 1). Каждая лавочка имела свой порядковый номер, к которому торговцы зачастую прибавляли нечто вроде вывески и название-девиз, почерпнутые из истории (Наполеон или Вольтер) или из популярных мелодрам. Поначалу торговцы могли нанимать столько лавочек, сколько хотели и на сколько у них хватало денег, но к середине века это число снизилось до четырех (Ibid.). Лавочки, выходившие в центральный проход, были менее востребованы, чем те, которые выходили на улицы Тампля и Дюпети-Туара, шедшие вдоль рынка, поскольку у торговцев из «внешних» лавочек было больше шансов привлечь внимание потенциальных покупателей. На ночь торговцы либо уносили свой товар домой, либо оставляли под охраной сторожей, которым платили по 25 сантимов за одну лавочку. Товары

Мишель-Шарль
Фишо. Вид сверху
на старый рынок
в Тампле накануне
его перестройки
// Иллюстрация.
1863. 14 февраля

к торговцам из Тампля поступали из трех источников: от уже упомянутых выше бродячих торговцев, непосредственно от владельцев (бедных людей, нуждающихся в деньгах, или слуг, которым богатые люди отдали надоевшую одежду) и в результате аукционов.

Павильоны Молиноса страдали многими недостатками; во-первых, они были деревянные и от любой неосторожности могли сгореть; во-вторых, из-за их конструкции и торговцы, и публика не были толком защищены от непогоды. Старые павильоны простояли в Тампле до 1863 года, когда они и Ротонда были снесены, а на их месте по проекту архитектора Жюля де Меренделя в 1865 году был построен новый рынок — шесть павильонов из железа, чугуна и кирпича, примерно такого же типа, как павильоны знаменитого Центрального рынка архитектора Бальтара (1854–1874), описанного Золя в романе «Чрево Парижа» (1873). Однако судьбу этого нового рынка нельзя назвать счастливой: постепенно торговля там пришла в упадок⁷, и в 1905 году четыре павильона из шести были снесены, на их месте выросли многоэтажные дома (Le Сюег 2014). Оставшиеся два сохранились до нашего времени и с 2014 года служат местом культурных и спортивных мероприятий, наследники же рынка в Тампле — знаменитые блошинные рынки — на рубеже XIX и XX веков переместились из Маре, сейчас практически центра Парижа, в совсем другие места, на окраины города и в пригороды (Charpy 2002: 60).

Тема продажи подержанных вещей частично пересекается с другой, очень хорошо изученной учеными XX и XXI веков; я имею в виду фигуру старьевщика, или ветошника, или тряпичника (*chiffonnier*), который тоже имел дело с остатками вещей (но в гораздо более ветхом состоянии)⁸; пожалуй, наиболее подробный и многогранный анализ этой фигуры дан в новейшей монографии Антуана Компаньона (Compagnon 2017). Компаньон и многие его предшественники рассматривали старьевщика в его историческом и символическом значении; подробный исторический и социологический анализ торговли подержанными вещами в Париже (не только в Тампле, но и в лавках, располагавшихся в других районах, например в студенческом Латинском квартале) дан в работах Манюэля Шарпи (Charpy 2002; Charpy 2014). Задача настоящей публикации несравненно более скромная: позволить читателям XXI века взглянуть на рынок подержанных вещей глазами человека первой трети века позапрошлого; ведь нраво-описательные очерки, несмотря на свою беллетризованную форму, отчасти заменяют нам еще не изобретенные в тот период фотографию и кинематограф.

Перевод выполнен по изданию: Nouveau tableau 1834: 354–362.

Ф. д'Антонель Рынок старого платья

...Осмелюсь ли сказать, что случилось с этим пространством, пробуждающим столько благородных и трогательных воспоминаний? На земле, напитанной поэзией и историей, расположился сегодня — кто бы мог подумать?! — рынок старого платья.

Да, рынок старого платья! Да, на месте высоких башен, монастыря и монастырского двора, по которому благородные рыцари прогуливались, беседуя о войне, о политике, а быть может, и о любви, выросло огромное торжище, бурлескный толкучий рынок, куда стекаются наряды всех стран и всех состояний; сборище одежд, где лохмотья бедняка братски соседствуют с невесомой блондовой мантилей, укрывавшей плечи герцогини⁹. Там висят на одном и том же крюке, валяются на одном и том же столе атласный башмачок и деревянное сабо, букет из перьев марабу и чепец из коленкора, бальное платье и куртка угольщика, все полупоношенное и сохраняющее свой природный запах и, можно сказать, природную физиономию. Ничего нового, ничего чистого не сыщется среди этого безбрежного моря останков, предлагаемых тщеславным скрягам и замерзающим беднякам.

Не страшно: нужда и гордыня неприхотливы. Вот пример: дело происходит в конце карнавала, повсюду танцуют. Жена приказчика, получающего тысячу восемьсот франков в год, приглашена на бал к жене нотариуса, своей пансионской подруге¹⁰. Бал! Бал! Какой соблазн, какое счастье для молодой женщины, если она никогда не бывала на балу, если ей всего двадцать лет и она хороша собой! Она перечитывает приглашительное письмо, и на уме у нее только парюры и кадрили! Но муж, который командует в доме, что вообще-то в парижских семействах большая редкость, уже составил супружеский бюджет и очень недоволен; однако, поразмыслив, он приходит к выводу, что неприличие отказа и недовольство жены — последствия нежелательные; из боязни государственного переворота он решает уступить и, уподобившись партии «золотой середины»¹¹, произносит с подавленным вздохом: «Ну что ж, милая, раз тебе хочется, мы пойдем на бал; вот тебе пятьдесят франков на туалет; это большая жертва, но я так тебя люблю! Повезло тебе с мужем!»

Пятьдесят франков! Господи! Это одна цветочная гирлянда от Натье¹²! На пятьдесят франков можно купить перчатки и атласные башмачки, а больше ничего. И все же молодая женщина не оставляет надежды. «Давай», — говорит она и протягивает белую ручку, куда одна за другой сыплются десять монет по сто су¹³, сопровождаемые

десятью предложениями касательно роскоши и разумных способов тратить деньги. Но жена не слушает, она сгорает от желания броситься в Тампль. Скорей-скорей, черную шляпку, мериносовую накидку; муж еще проповедует, а женушка уже в пути. Бедное дитя! Ей немного стыдно; она, такая чистая, такая наивная, среди всех этих помятых тканей, благоухающих мускусом и содержанками. Но постепенно она успокаивается, смелее, спрашивает, выбирает. Смотрите, как она сияет, гордится, восхищается; она купила все, что нужно: ее наряд вот тут, завернутый в фуляр, и, клянусь, он прекрасен; а на свету он станет еще лучше и еще элегантнее. Атласное платье, газовое платье, гирлянда, букет, ажурные шелковые чулки — все куплено, все готово, недостает только башмаков, а потрачено всего тридцать восемь франков. Осталось денег и на парикмахера, и на фиакр: да здравствует толкучий рынок!..

Полночь: бал блестящий, пленительный. Молодая женщина на седьмом небе; она танцует, на нее смотрят, ею восхищаются, ей завидуют... Два юноши болтают в уголке. «Эрнест, — говорит один, откровенно лорнируя танцующих, — знаешь ты вон ту хорошенькую женщину в белом?» «Нет, в первый раз ее вижу», — отвечает юноша с романтической бородкой. «Удивительное дело, — продолжает упрямый вопрошатель, — у нее весь убор так похож на тот, который я давеча послал Розали... Помнишь?.. Да, точь-в-точь такой же; тут совсем другое дело! Какое все свежее, изящное, почти воздушное: сразу видно женщину элегантную, женщину хорошего тона... А Розали... Помнишь, Эрнест, как она однажды целую ночь разъезжала в этом платье на сиденье „Горожанки“¹⁴?»

Тампль — присяжный магазин тех красавиц, которые стараются не выставлять свои наряды при ярком свете; декольтированные платья и цветочные уборы, которые танцовщица оставляет своей горничной, спускаются к *девицам* менее удачливым, а те какое-то время спустя относят их назад в Тампль, откуда они уплывают во второй раз, чтобы окончательно истрепаться при свете двух сальных свечей на теле какой-нибудь акробатки или бродячей комедиантки. Атлас и газ изнашиваются очень быстро, если их владелица поднимает тяжести, стоит на голове или изгибается так, будто у нее нет костей: легкая ткань, на которую так часто любовались в Опере, которую так часто щеголяли на бульварах, трещит по швам и прощается с жизнью в результате двойного кабриоля.

Есть еще один разряд молодых девушек, которые охотно посещают рынок в Тампле: это горничные, няньки, кухарки, прачки, полотерки, получающие в год пятьдесят экю жалованья¹⁵. Почти все они

приезжают из провинции, и их нанимают в небогатые семьи после рождения четвертого ребенка для помощи хозяйке дома. Несчастные создания, трудящиеся днем и ночью, не доедающие, не досыпающие, вечно находящиеся под присмотром хозяйки или ее старшей дочери! Но вот наступает воскресенье: после целой недели трудов и лишений — два часа свободы, нужно ими воспользоваться, немного приодеться... В лавках ткани очень дороги, да и где взять время, чтобы сшить и пошить платье? Вперед в Тампль, там можно купить ситцевый пеньюар за пять франков, барежевую¹⁶ косынку за двадцать су, тюлевый чепец с розовыми лентами. Бедняжке и не снилась такая красота: она взлетает на свой седьмой этаж, одевается перед зеркалом не больше ладони, вертится, улыбается, остается довольна собой, прямо как знатная дама, и отправляется танцевать за заставу¹⁷.

Гризетки не жалуют рынок в Тампле; эти девицы — гордячки, они носят платья только дареные, причем купленные прямо в лавках¹⁸.

Мужчины тоже редко бывают на толкучем рынке. Бедный рабочий, чувствующий на собственной шкуре приближение зимы, говорит жене: «Смотри, вот семь с половиной франков, ступай в Тампль, купишь мне каррик¹⁹»; они в этом году идут по дешевке. Нынче их не носят, привратник из дома напротив продал свой, это, говорит, совсем рококо...²⁰ Какая глупость! Карать человека за то, что он носит каррик! Купи мне с пятью воротниками; он богатый, теплый... и пусть будет цвета резеды, прочно сшит, одним словом, одежда что надо. И еще, Тереза, Тереза!.. сделай одолжение, посмотри его как следует на просвет, чтоб там дыр не было. Эти торговки старьем, известные шельмы, только и мечтают нас облапошить! Эта публика дыры в одежде замазывает воском, а сапоги починяет клеем для бумаги. Смотри в оба, Тереза, смотри в оба, жена, за семь с половиной франков ты мне купи что-нибудь почище. Мужчина должен себя блюсти, а не то уж я бы накрутил хвост твоим торговкам старьем, подлым старьевщицам, которые морочат баб и простофиль!»

Находятся, однако, мужчины, которые не так спесивы и которым случается тайком проскользнуть на толкучий рынок: это те паразиты и искатели приключений, для которых приличное платье, единственное и незаменимое, — главный источник кредита и средств к существованию. Поэтому вообразите, в какое отчаяние впадает такой человек, когда вечером, после того как его приняли в хорошем обществе, пригласили в ложу театра Водевиля, на шестое место²¹, и в довершение всех удач сотрапезник довез его до дома, избавив от найма кабриолета, — когда в это мгновение проклятый кабриолетный крючок впицается ему в локоть и рывает рукав по всей длине! «Ах боже мой!

Какая беда!» — восклицает владелец кабриолета. «Пустяки, пустяки, — отвечает бедолага с непринужденной улыбкой, — повезло моему слуге, вот и все». «Завтра я расплачиваюсь за проигранное пари, встречаемся у Филиппа в Эрмитаже²², не опаздывайте», — прибавляет богач, мгновенно забыв о случившемся, и пускает лошадь вскачь.

— Дьявол тебя возьми! — восклицает несчастный, вернувшись в свою мансарду и в отчаянии созерцая разорванный рукав. — Все пропало, починить невозможно. Целый клочок выдеран. Фрак, служивший верой и правдой полтора года, седанское сукно, отличная, шелковистая ткань, да что говорить, фрак для биржевого маклера. Проклятый кабриолет!.. И еще этот завтрак... Завтрак с устрицами... у Филиппа!.. Там будет Дюваль, и Буассар, Рэмон, Лансель, ну, словом, все; все местные *бонвиваны*. В одном приглашении целых десять! Проклятие! Фрака нет... нет фрака... а в кармане всего тридцать пять франков, последние тридцать пять франков, выигранные в экарте»²³.

Быть может, этот несчастный покончил бы с собой из-за пропущенного завтрака, не будь на свете Тампля, где найдутся фракы любых цветов и любых фасонов. Там на тридцать пять франков он приоденется, купит и фрак, и жилет, и панталоны, а может быть, даже бархатный галстук, который прекрасно довершит картину; он будет одет опрятно, прилично, даже со вкусом; в этом наряде он побывает на одном, двух, трех завтраках, на обедах и на ужинах; наряд составит его капитал, и он получит с него проценты натурой.

А порой случается так, что тот же молодой человек, который зарабатывает на платье игрой в экарте, который покупает его на толкучем рынке и проводит жалкую, постыдную жизнь в поисках дармового обеда, заболевает и уже не может встать с постели. Тогда он зовет привратницу, и фрак возвращается в Тампль; за ним следуют рубашки и сапоги. А юноша, голый и голодный, умирает в больнице.

Вид рынка старого платья наполняет душу печалью и жалостью; да, печаль и жалость вызывает в этих местах все, и прошлые несчастья, и нынешние невзгоды, невзгоды, порождаемые тщеславием, развратом, нуждой, голодом, ведь вот эти обноски наверняка продал зимним днем какой-то бедняк, которому не хватало денег на хлеб, а эти перья, эти цветы, откуда они? Кто знает...

* * *

Очерк Антонеля — не единственное описание рынка подержанных вещей в Тампле. В четырнадцатом томе «Книги Ста и одного» напечатан очерк поэта-песенника, водевилиста и историка театра Никола

Бразье (1783–1838) «Тампль». Выше было сказано, что «Новая картина Парижа» была своего рода ответом на «Книгу Ста и одного», однако первый том «Новой картины» вышел в свет почти на год раньше четырнадцатого тома с очерком Бразье, который появился в продаже 30 августа 1834 года, так что первенство Антонеля неоспоримо, а Бразье, можно сказать, вышивает свои узоры по его канве. Он не рисует, в отличие от Антонеля, отдельных портретов посетителей рынка, но зато не скупится на перечисление продаваемых здесь товаров. Ниже приведен отрывок из его очерка, касающийся непосредственно рынка (до этого Бразье, как и Антонель, но гораздо более подробно излагает историю Тампля).

Перевод выполнен по изданию: Paris 1834: 146–149.

* * *

Рынок подержанного платья, построенный в 1809 году, походит на все парижские рынки: он состоит из лавочек, каждая из которых носит имя занимающего ее торговца и имеет свой порядковый номер.

Тампль — рынок мелких собственников и рабочего класса; сюда в конце концов попадает все, что когда-то было новым и великолепным... Более пяти сотен торговцев, мужчин и женщин, проводят здесь каждый день с шести утра до шести вечера²⁴. Здесь все свалено вперемешку, здесь все продается вперемешку... Рядом с клетчатым ситцевым платьем лежат газовые платья, расшитые золотом и серебром; на ветру колышутся мундиры пэров Франции, депутатов и префектов; здесь продаются картузы из выдры и шляпы с галуном, полицейские фуражки и квадратные академические шапочки, грубые башмаки, подбитые гвоздями, и бальные башмачки, мантия каноника и блуза возчика, куртка рабочего и камзол члена государственного совета, кирка каменщика и шпага национального гвардейца, золотые эполеты и шерстяные темляки, фальшивый тупей денди и фальшивая борода сапера, здесь торгуют плащами и платьями, приобретенными по случаю, перьями марабу, боа и шальями, которые привел сюда тот же случай. Сюда гризетка приходит присмотреться к перекрашенной шляпке и, указывая на нее пальцем, говорит торговке: «Снимите мне вот это»²⁵; сюда рабочий приходит в субботу купить починенные сапоги, чтобы в воскресенье отправиться в Куртий на танцы²⁶; здесь актриса из пригорода охотится за платьем из гроденапля, в котором предстанет в роли *графини Альмавива*²⁷, а актер из театра Бобино²⁸ покупает расшитый камзол, в котором сыграет *Гордеца*²⁹ в свой бенефис. Тампль — кладовая парижских бедняков, желающих блеснуть не хуже

богачей, и это настолько известно, что когда женщина из народа хочет оскорбить мещанку, она не преминет крикнуть ей: «Гляньте-ка на эту красотку, строит из себя невесть что, а платье-то и шляпка только что из Тампля!»

<...> Здесь с утра до вечера торговцы и торговки тянут вас за руку, дергают за рукав и кричат: «Сударь, вот прекрасный редингот... а шляпа совсем новая... Сударыня, дайте-ка я вам подберу... отличное одеяло, превосходная пара простынь... А платье и надели-то всего раз или два».

А еще перекупщики, торгующие под открытым небом и выпивающие столько стаканов вина, сколько они заключают сделок... здесь стоит постоянный гул... как будто гудят тысячи пчел... Здесь, как в палате депутатов, представлены все сословия. Здесь говорят на нижне-бретонском и на нормандском, на гасконском и на овернском, на языке Лотарингии и на языке Франш-Конте... здесь говорят на всех языках сразу, здесь в парижском Тампле выросла настоящая Вавилонская башня.

* * *

Кончается очерк Бразье тем же меланхолично-философским заключением, что и очерк Антонеля: автор перечисляет всех знаменитостей, имевших отношение к Тамплю, и с грустью констатирует, что все они исчезли навсегда.

Позднее рынок в Тампле еще не раз становился предметом описаний; так, на этом рынке, описанном со множеством подробностей, происходит одна из сцен знаменитого романа Эжена Сю «Парижские тайны» (первая публикация в газете *Journal des Débats* 15 декабря 1842 года; рус. пер.: Сю 1989: 439–441; перевод Ф. Мендельсона). О функционировании рынка в Тампле рассказано и в очерке Марка Фурнье «Ротонда Тампля», напечатанном во втором томе сборника «Большой город» (декабрь 1843; Fournier 1843); здесь, как и у Бразье, преимущественное внимание автора обращено не на покупателей, а на продавцов и на сами товары, причем автор оценивает рынок и продаваемые на нем товары свысока и с откровенным презрением, какого не проявляли его предшественники. На рынке в Тампле частично разворачивается действие «готического» романа Поля Феваля «Сын дьявола» (1846), а газета «Иллюстрация» 14 августа 1847 года опубликовала детальное описание рынка в Тампле за подписью Ф.М. (за этими инициалами скрылся Филипп Морнан, который позже полностью перепечатал этот текст в своей книге «Парижская жизнь»;

Морнан 1855). Десять лет спустя, 15 марта 1857 года, пространный репортаж о рынке, написанный прозаиком и драматургом Альбером Монье, появился в газете «Фигаро». Наконец, в последний год функционирования рынка в Тампле в его старом здании это заведение удостоилось подробнейшего описания в книге Луи де Моншана (псевдоним Жака Сореля) «Цыганки любви» (Montchamp 1862). Все эти тексты в той или иной степени уточняют представления о тампльском рынке подержанных вещей (хотя многие детали переходят из одного текста в другой почти без изменений), однако все они посвящены в первую очередь продаваемым на рынке товарам и их продавцам; пожалуй, никто не уделяет такого внимания фигурам покупателей, как безвестный Антонель. Кроме того, он, сколько можно судить, был первым, кто сделал рынок подержанных вещей предметом отдельного описания, и уже потому достоин нашего внимания.

Литература

- Мильчина 2019* — Мильчина В. А. Парижане о себе и своем городе: «Париж, или Книга Ста и одного». М.: Дело, 2019.
- Парижанки 2014* — Французы, нарисованные ими самими. Парижанки / Сост., вступ. ст. и редакция переводов В. А. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Руссо 2020* — Руссо Д. Заставы и генгеты / Пер. и вступ. заметка В. А. Мильчиной // Иностранная литература. 2020. № 3. С. 39–48.
- Сю 1989* — Сю Э. Парижские тайны. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1.
- Charpy 2002* — Charpy M. Formes et échelles du commerce d'occasion au XIXe siècle. L'exemple du vêtement à Paris // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2002. No. 24. rh19.revues.org/index373.html (по состоянию на 16.11.2024).
- Charpy 2014* — Charpy M. La veste retournée // Socio-anthropologie. 2014. No. 30. journals.openedition.org/socio-anthropologie/2269 (по состоянию на 16.11.2024).
- Fournier 1843* — Fournier M. La Rotonde du Temple // La Grande ville: nouveau tableau de Paris, comique, critique et philosophique. Paris: Au bureau central des publications nouvelles, 1843. Т. 2. P. 39–56.
- Le Cœur 2014* — Le Cœur M. Du marché au Vieux Linge au marché du Temple // Le Carreau du Temple. Paris: Nicolas Chaudun, 2014. P. 104–121.
- Mercier 1994* — Mercier L.-S. Tableau de Paris / Éd. J.-Cl. Bonnet. Paris: Mercure de France, 1994. Т. 2.

- Monnier 1857* — Monnier A. Le Temple // Le Figaro. 1857. 15 mars. P. 1–7.
- Montchamp 1862* — Montchamp L. de. Les Bohémiennes de l'amour. Paris: Chez tous les libraires, 1862. P. 169–224.
- Mornan 1855* — Mornan F. La vie de Paris. Paris: Librairie nouvelle, 1855. P. 168–184.
- Nouveau tableau 1834* — Nouveau tableau de Paris au XIXe siècle. Paris: Madame Charles-Béchet, 1834. Т. 1.
- Paris 1834* — Paris ou le Livre des Cent-et-un. Paris: Ladvocat, 1834. Т. 14.
- Paris illustré 1855* — Paris illustré. Nouveau guide des voyageurs. Paris: Hachette et Cie, 1855.

Примечания

1. Столь ранняя дата объясняется тем, что первый том поступил в продажу 24 ноября 1833 г., но с датой 1834 на титульном листе.
2. См. подробнее: Мильчина 2019: 134–143.
3. Этот дореволюционный Тампль запечатлен в «Картине Парижа» Луи-Себастьяна Мерсье (Mercier 1994: 122–124; т. VII, гл. DLXXI).
4. В этом году Наполеон передал часть бывших владений тамплиеров в собственность городу Парижу с тем, чтобы переместить сюда торговлю подержанными вещами, которая до Революции проходила под открытым небом в других местах правобережного Парижа — на площади Невинноубиенных (ныне площадь Жоашена дю Белле) и на Телячьей площади (сейчас не существует, по части бывшей площади проходит проспект Виктории).
5. В Ротонде многие торговцы ночевали, а кроме того, здесь работали многочисленные ремесленники, перед продажей приводившие в порядок подержанные платье или утварь.
6. Эти «специалисты» именовались также торговцами одеждой (*mag-chands d'habit*); они ходили по домам и скупали у небогатых людей, нуждавшихся в деньгах, предметы их гардероба как можно дешевле, прибегая для этого к разным уловкам, которые описаны в очерке Йозефа Майнцера «Торговец одеждой», напечатанном в четвертом томе сборника «Французы, нарисованные ими самими» (1841).
7. Это было связано с изменившимися гигиеническими требованиями к одежде; если автор публикуемого ниже текста отмечает, что подержанные вещи, продаваемые на рынке, сохраняют «свой природный запах и, можно сказать, природную физиономию», без особого осуждения, то в конце XIX в. люди стали гораздо сильнее опасаться, что поношенные вещи могут быть переносчиками заразных болезней; кроме того, с распространением твердых цен

- в магазинах рыночные привычки (торговаться и снижать цену, нарочно завышаемую продавцом) постепенно начали казаться архаическими (Charry 2002: 54–55).
8. Парижский путеводитель 1855 г. подчеркивает разницу между тряпичником (*chiffonier*) и торговцем «тряпками» (*chiffoniste*): первый собирает старье любого качества, второй торгует старыми вещами чистыми и пригодными для ношения (*Paris illustré* 1855: 749).
 9. Современный историк цитирует эту фразу, называя ее автора «моралистом», который видит в подобном смешении товаров «возможный источник нарушения социальных иерархий» (Charry 2002: 43), — чтение, пожалуй, слишком сильное.
 10. Тысяча восемьсот франков в год — очень скромная сумма; на день у такого чиновника приходилось около 5 франков, то есть столько, сколько получал в день высококвалифицированный рабочий.
 11. Су — мелкая монета, упраздненная после Французской революции в конце XVIII в., однако французы по старинке продолжали иногда называть цены не в сантимах и франках, а в су; одно су равнялось 5 сантимам, следовательно, монетой в сто су называли пятифранковые монеты.
 12. Лавка Натье, где торговали перьями и искусственными цветами, располагалась в доме 85 по улице Ришелье, в центре правобережного Парижа.
 13. Правление короля Луи-Филиппа, пришедшего к власти в результате Июльской революции, называли, чаще всего в ироническом смысле, правлением «золотой середины», поскольку он декламировал свое стремление избегать политических крайностей.
 14. «Горожанки» (*Citadines*) — одна из парижских транспортных компаний (разновидность омнибуса).
 15. Экю (здесь) — серебряная монета, равнявшаяся 5 франкам. Общая сумма жалованья, таким образом, выходит совсем мизерная — 250 франков.
 16. Барез — легкая и воздушная ткань, изготавливаемая по образцу газовых тканей.
 17. За заставами, то есть по ту сторону крепостной стены, окружавшей Париж в первой половине XIX в., можно было есть и пить дешевле, чем в самом городе, поскольку хозяевам заведений не приходилось платить ввозную пошлину; об этих заведениях, совмещавших функции кабака и танцевальной залы (их называли генгетами), см. очерк Джеймса Руссо «Заставы и генгеты», напечатанный в пятом томе той же «Картины Парижа в XIX веке» (Руссо 2020).

18. Другие авторы, писавшие о рынке в Тампле, не выделяют гризеток в отдельную категорию. Более того, одна из самых знаменитых литературных гризеток той эпохи, Риголетта (в рус. пер. Хохотушка) из романа Эжена Сю «Парижские тайны» (1842–1843), прекрасно знает и высоко ценит рынок в Тампле.
19. Каррик — «сюртук с висячим воротником» (Булгарин. Лев и шакал. 1843) или с несколькими воротниками-пелеринками.
20. Рококо — начиная с середины 1820-х гг. этим словом во Франции обозначали не только определенный художественный стиль XVIII в., избыточный украшениями, но и любые обыкновения, которые устарели, вышли из моды.
21. Человек, абонировавший ложу в театре на целый сезон или на определенные дни недели, мог приглашать туда своих знакомых; шестое место, разумеется, располагалось не в первом ряду и было не самым удобным для зрителя, однако приглашенному оно доставалось бесплатно.
22. «Эрмитаж» — ресторан и танцевальный зал на Монмартрском холме (до 1861 г. не входившем в состав Парижа); о его посетителях — студентах, писцах из нотариальных контор, приказчиках и гризетках, «всех, кто мечтает о любви и живет наслаждениями», см. подробнее: Мильчина 2019: 275–276.
23. Экарте — карточная игра, в которой двое играли, а зрители делали ставки на одного из игроков. 35 франков для небогатого парижанина описываемой эпохи могли составлять «прожиточный минимум» на целый месяц; бальзаковский Растиньяк в пору его первых шагов в Париже, описанных в романе «Отец Горио» (1835), располагал 130 франками на три месяца, то есть примерно 40 франками на месяц.
24. Время работы рынка уточнено в очерке Альбера Монье: с шести утра до восьми вечера летом и с семи сорока утра до пяти вечера зимой (Moppier 1857: 5).
25. На особом рыночном арго, о котором пишут многие наблюдатели, шляпка так и называлась «Снимите мне вот это» (Paris illustré 1855: 749).
26. Куртий, квартал в восточной части Парижа, в первой половине XIX в. делился на две части, разделенные Бельвильской заставой: Верхний Куртий располагался на высоком Бельвильском холме вне Парижа, за заставой, а Нижний, у подножия холма, внутри Парижа. Верхний Куртий был почти сплошь застроен кабачками и танцевальными залами; впрочем, немало их находилось и на

- улице Предместья Тампля в Нижнем Куртии. Небогатые парижане охотно посещали их по воскресеньям.
27. Гроденапль — плотная гладкокрашенная шелковая ткань; графиня Альмавива — персонаж комедии Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1784).
 28. Театр Бобино, или Люксембургский театр, открытый в 1819 г., принадлежал к числу парижских маленьких театров, но, в отличие от большинства таких театров, располагался не на правом, а на левом берегу Сены; начинали здесь с ярмарочных пантомим и акробатических номеров и лишь к середине 1830-х гг. перешли к представлениям комедий и водевилей.
 29. Заглавный герой комедии Филиппа Детуша (1732).

